

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ СООБЩЕНИЯ А.В. ГОЛОВНИНА
О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ КОНСТАНТИНЕ НИКОЛАЕВИЧЕ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ «ЛИБЕРАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ»**

© 2015 О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Поступила в редакцию 09.04.2015

В статье рассматриваются особенности политического мировоззрения «либеральной бюрократии» в период подготовки «Великих реформ» на примере взглядов и деятельности великого князя Константина Николаевича. Автор анализирует содержание специального труда о Константине Николаевиче, созданного А.В. Головниным. В качестве причин эволюции мировоззрения реформаторов рассматривается влияние Крымской войны, славянофильства и западничества, либеральной идеологии и придворного этоса.

Ключевые слова: Великие реформы, либеральная бюрократия, великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин, славянофильство, западничество, Крымская война.

Истории «Великих реформ» посвящено немало научных книг и статей, но в ней все еще остаются сюжеты, требующие дальнейшего исследования, остаются дискуссионные темы и нерешенные вопросы. Примечательно, что в последнее время дискуссии относятся даже не к самой содержательной стороне реформ или их реализации, а в большей степени к тому, что можно назвать субъективным фактором преобразовательного процесса (мировоззрение и принципиальные подходы его идеологов и практиков). Усилиями отечественных и зарубежных историков (среди которых Б. Линкольн, Т. Эммонс, Д. Филд, Л.Г. Захарова, М.Д. Долбилов, И.А. Христофоров) доказано, что еще в конце николаевского царствования сформировалась особая социальная среда, политическая группировка или даже «формация», которая представляла собой своего рода содружество реформаторски настроенных чиновников и либерально мыслящих общественных деятелей. Это содружество получило у современников и в научной литературе разные названия: «партия петербургского прогресса», «партия реформ», «либеральные бюрократы», «просвещенные бюрократы». Талантливые и амбициозные люди составляли достаточно яркую среду: Н.А. Милютин, Д.А. Милютин, И.П. Арапетов, А.П. Заблоцкий-Десятовский, А.В. Головнин, Д.А. Оболенский, С.И. Зарудный, Я.А. Соловьев, К.К. Грот, В.А. Арцимович, В.И. Даль, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.И. Надеждин, К.Д. Кавелин, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский и др. «Партия петербургского прогресса» (термин, принадлежащий П.В. Анненкову) обрела свои центры коммуникации, среди которых были прогрессивные министерства

*Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений.
E-mail: kochukovasgu@mail.ru*

(внутренних дел и морское), научные и общественные организации (Вольное экономическое и Русское географическое общества), имела непосредственный выход на высший уровень элиты самодержавного государства (покровительство членов императорской фамилии великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны). Применительно к фигуре вел. кн. Константина Николаевича в исторических исследованиях сложилось устойчивое представление о нем как о главе «либеральной бюрократии», часто применяется термин «константиновцы»¹.

Если историческая роль бюрократов-реформаторов в настоящее время всеми признана и существуют исследования, посвященные отдельным персоналиям, то до сих пор дискуссионным остается вопрос об их политическом мировоззрении. Оценки разнятся до противоположных и взаимоисключающих. Либерально-прогрессивное начало в их взглядах и деятельности без всяких оговорок признает авторитетная исследовательница крестьянской реформы Л.Г. Захарова². Она подчеркивает прогрессивность предложенных «либеральной бюрократией» проектов освобождения крестьян, гарантирующих независимое экономическое развитие крестьянского хозяйства наряду с помещичьим. Зарубежные исследователи, как правило, не признают либеральной основы мировоззрения «просвещенной бюрократии», полагая, что главным мотивом ее деятельности было сохранение институтов самодержавия и регулирующих, дисциплинарных механизмов государства и общины в отношении экономики³. Многие современные российские историки склонны к подобной же точке зрения. Так, М.Д. Долбилов говорит о националистическом дискурсе бюрократов-реформаторов, обращая особое внимание на русификаторскую политику Н.А. Милютина, Ю.Ф. Самарина и В.А. Черкасского

в Польше после 1863 г.⁴ С.А. Репинецкий считает нужным в принципе отказаться от термина «либеральные бюрократы», полагая более обоснованным термин «этактисты-реформисты»⁵. И.А. Христофоров предлагает компромиссный подход, поскольку приходит к выводу об эклектичности мировоззрения идеологов и авторов крестьянской реформы (либеральные представления скорректированы влиянием романтического национализма, славянофильства, практикой менеджмента самодержавного государства)⁶.

Как известно, если какой-то вопрос слишком запутан и неоднозначно решается в исторической науке, следует допустить, что «на повестке дня» остается непредвзятый анализ источников и изучение оценок и представлений, идущих непосредственно от современников. «Взгляд изнутри» эпохи и социально-культурной среды, в которой формировалось политическое мировоззрение «либеральных бюрократов», представляет особую ценность именно своей субъективной основой и в наибольшей степени предоставляет возможность изучения реформ как итога и результата дискурсивных практик и мировоззрения их авторов. Внимательное чтение текстов, созданных современниками и зафиксировавших их восприятие реформ и реформаторов, кроме того, позволяет преодолеть статичность картины, так как имел место преобразовательный процесс со всеми атрибутами длительности, эволюции с неизбежными «скачками» и «перерывами». Как взгляды реформаторов, так и характер их общественного восприятия менялись под воздействием различных факторов, и период от окончания Крымской войны до 1861 г. был в этом смысле чрезвычайно интенсивным и мобильным историческим временем. При этом сам подбор исторических источников представляет немало трудностей: далеко не все бюрократы-реформаторы вели дневники, писали воспоминания, развернутые публицистические тексты. В связи с этим особую ценность представляет в своем роде исключительный источник – созданные А.В. Головниным «Материалы для жизнеописания великого князя Константина Николаевича»⁷.

А.В. Головнин, видный представитель «просвещенной бюрократии», выполнял обязанности личного секретаря вел. кн. Константина Николаевича и в немалой степени формировал и направлял мировоззрение последнего. По замечанию авторитетного исследователя деятельности Константина Николаевича, истории флота и либеральной бюрократии эпохи «Великих реформ» А.П. Шевырева, Головнин «служил не столько исполнителем замыслов великого князя, сколько идеологом и до известной степени манипулятором его деятельности, направляя своими действиями активность великого князя в то русло, которое он сам считал верным»⁸. В период подготовки крестьянской и

земской реформ А.В. Головнин вполне сознавал историческое значение покровительства великого князя в отношении прогрессивных чиновников и общественных деятелей и по этой причине вел дневниковые записи и составлял специальные ежегодные отчеты, которые преподносил Константину Николаевичу в качестве подарка к дню рождения. Записи Головнина, созданные по горячим следам событий, отражают авторское восприятие разных временных отрезков предреформенного периода, фиксируют процесс изменения взглядов, эмоций и настроений, а погодовой характер изложения придает источнику черты летописи. При этом текст Головнина – это не просто поток информации о быстро изменяющейся реальности, но результат его авторского осмысления. Предреформенный период в видении А.В. Головнина предстает временем острейшей борьбы различных группировок в недрах правящей элиты и повышенных темпов изменений в общественных взглядах и настроениях. Конечно же, следует учитывать то, что А.В. Головнин был занят созданием имиджа великого князя и генерал-адмирала и старался «придать ему уверенности, что потомки узнают о нем именно то, что представит в этих материалах Головнин»⁹.

«Материалы для жизнеописания великого князя Константина Николаевича» сохранились в различных вариантах в трех архивах (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Российский государственный исторический архив и Государственный архив Российской Федерации) и сравнительно недавно (2006 г.) опубликованы Б.Д. Гальпериной и Б.П. Миловидовым.

«Материалы...» содержат информацию начиная с детских лет великого князя, но исторический интерес представляют с того момента, когда ведущим в них становится политический и идеологический контекст, начиная с 1850-х гг. и особенно – с 1855 г. В 1855 г. А.В. Головнину было 34 года, а Константину Николаевичу – 27 лет (для сравнения: в это же время Н.А. Милютину и К.Д. Кавелину (как и Александру II) – 37 лет). Текст биографических сообщений Головнина вполне четко фиксирует самосознание «молодых реформаторов», ощущавших свою противоположность «старикам-ретроградам»¹⁰. В исторической литературе не раз указывалось на то, что мировоззрение представителей «партии петербургского прогресса» начало свое становление еще в 1840-х гг. и происходило в обстановке салонов западников и славянофилов и в служебной деятельности в министерствах внутренних дел, просвещения, в морском ведомстве и т.д. Тем не менее начальный момент политической активности этой новой «генерации» следует, видимо, относить к периоду Крымской войны, к середине 1850-х гг.

Значение Крымской войны как периода деконструкции дискурсивных практик и по-

литического мировоззрения общественной и государственной элиты (шире – «образованного общества»), видимо, еще требует дальнейшего осмысления в исторической науке. Соотношение вопросов внешней политики и внутреннего развития страны пересекалось в концепте «народности», то есть в определении курса и приоритетов национального развития. Сам по себе «национальный» способ политического мышления представлял собой новое явление и объективно противостоял имперскому дискурсу, несмотря на попытки в царствование Николая I включить «народность» в официальную государственную идеологию¹¹. Ситуация Крымской войны выдвигала на первый план вопрос об отношении России к православным славянам («православному Востоку») и к западноевропейским странам (к «Западу»). В связи с этим в высшей степени примечательна роль славянофилов в предреформенный период. (И особенно в связи с тем, что требует объяснения тот факт, что «западническая» риторика авторов крестьянской и земской реформы на деле сочеталась с включением в их проекты «славянофильских» идей, к примеру, относительно общины).

Для славянофилов основное значение имело включение православных балканских славян в пространство русского национального самосознания. В то же время, с точки зрения славянофилов, борьба России за освобождение «православных братьев» должна была иметь главным образом *внутренний* для русского национального самосознания смысл «пробуждения». И здесь следует отметить, что биография Константина Николаевича имела точки пересечения с идеологией и деятельностью славянофилов, что и зафиксировано в тексте, созданном А.В. Головинным. Многие славянофилы возлагали особые надежды на поддержку и благосклонность великого князя, считая его «русским сердцем и душой». В записях А.В. Головина, относящихся к 1848 г., приводится текст стихотворения, преподнесенного С.П. Шевыревым Константину Николаевичу в день его бракосочетания, в котором были слова: «Про тебя молва такое / Говорит, что пылок ум, / Что кипуче ретивое, / Полно чистых русских дум, / Что все отзвуки родные / Милы сердцу твоему, / Жизни блага коренные / Ясны русскому уму»¹². Головин в свою очередь упоминал, что Константин Николаевич «любил все русское, держался во всей строгости правил православной веры, предпочитал русский язык всякому другому, требовал, чтобы в его дворце говорили по-русски... Лица, которые имели одинаковый образ мысли, которые также хотели быть русскими и православными, естественно, любили его, любили говорить о нем и произносили имя его с уважением»¹³. Наблюдение Головина о сочувствии лиц «русского и православного направления мыслей»

подтверждается, к примеру, замечаниями в дневнике представительницы семьи славянофилов В.С. Аксаковой о «сильной народности» великого князя¹⁴. Внешнеполитический аспект мировоззрения Константина Николаевича также находил соприкосновение с позициями славянофилов. А.В. Головин в записях за 1854 год замечал, что военные события этого года «доказали, что искренних друзей должна искать Россия... на православном Востоке, между племенами единоверными, о которых перед тем она мало заботилась». Головин сразу же прибавлял, что великий князь Константин «еще прежде начала событий доказывал эту истину неоспоримыми фактами, сознавал оную, сочувствовал православию, чуждался союзов и вообще близких сношений с германскими державами... Западные державы и народы Германии соединились против нас, а мы не приготовили себе заблаговременно союзников, не укрепили их»¹⁵. Подобный ход рассуждений свидетельствует о том, что позиция Константина Николаевича действительно совпадала с новым направлением мыслей, разделяемым в тот период не только славянофилами, но и многими другими государственными и общественными деятелями. Это направление означало попытку пересмотра имперских ценностей и переориентацию на националистический дискурс, когда понимание культурных и политических границ русской идентичности, а также внешнеполитического курса государства начинало смещаться с исторически сложившихся форм и пределов в сторону «родственных», «единоверных» и «единоплеменных» народностей. В высшей степени показателен рассказ Головина о том, что зимой 1854 г. в Петербурге появились «посланцы греков с просьбой к императору восстановить Царство Византийское и даровать им в императоры сына его Константина, которому они привезли голубое знамя византийское и чашу с эмблематическим изображением народов новой империи». Головин задавал себе несколько мечтательный и в то же время риторический вопрос, «что чувствовал царевич, когда представители единоверных племен звали его на царство, указывали его воображению его будущую могущественную державу»¹⁶.

Но политическая реальность оказывала свое влияние на политическое мировоззрение великого князя, о чем красноречиво свидетельствуют головнинские материалы для его жизнеописания. В самом начале царствования Александра II, еще в сентябре 1855 г., Константин Николаевич «предпочитал продолжение войны уничтожительному миру» и еще надеялся на славный и выгодный для России исход войны, но уже через полгода, зимой 1856 г., А.В. Головин счел нужным отметить неосновательность распространенного в России и за рубежом мнения о том, что его патрон является «главой русской партии, партии войны». В новых

обстоятельствах Константин Николаевич учитывал прежде всего «вероятные жертвы и тяготы народные» и считал разумным соглашаться на «требуемые от нас уступки, чем упорствовать и продолжать борьбу»¹⁷.

Содержание биографических сообщений Головнина начиная с 1856 г. фиксирует весьма существенный перелом в формировании политического мировоззрения Константина Николаевича и самого Головнина. Причем эволюция их взглядов в данном отношении была частью общего процесса изменения качественных характеристик общественного сознания. Поражение России в Крымской войне вызвало активное развитие в общественном сознании механизма его объяснения через признание несостоятельности всего социально-политического устройства страны. Начинаясь «эпоха обличения», общественные настроения становились все более критическими, а требование системных реформ, возникшее как своего рода ожидание компенсации за ущемленную национальную гордость, приобретало значение «очищения» общественного организма от долговременной его «порчи».

Кризис общественного сознания направлял ход мыслей современников в сторону критики существующего положения дел и инициирования программы реформ. Примечательно, что в текстах А.В. Головнина становится более частой, чем внешняя политика, тема финансового состояния страны. Одновременно славянофильская риторика начинает постепенно вытесняться условно «западническим» образом мыслей. Головнин записывает: «Успехи просвещения, которых достигли народы Западной Европы после долговременной исторической жизни и многочисленных переворотов, стоивших много крови и страданий, привели наконец к тому, что эти народы пользуются более или менее такими благами гражданского устройства, которых мы или вовсе не находим еще в России, или находим изредка и только в зародыше»¹⁸. Головнин высказывает в связи с этим мысль, что подобные настроения получили общее распространение в «молодом поколении» после 1856 г. Приведенный Головниным список преимуществ социально-политического устройства Западной Европы фактически имеет значение предполагаемой программы реформ (лучшее устройство судов, веротерпимость и свобода совести, отсутствие крепостного права, отсутствие сословно-чиновных препятствий для развития способностей граждан, равномерное распределение налогов, местное самоуправление)¹⁹. Способ осуществления программы – «медленные постепенные законодательные и административные преобразования», осуществляемые новой генерацией прогрессивно мыслящих чиновников, в связи с чем в качестве первоочередной выделась задача продвижения всеми способами

«способных людей для действия... в разных частях управления»²⁰.

Тем не менее предшествующий период становления политического мировоззрения Константина Николаевича и Головнина, который был отмечен влиянием славянофильских настроений, конечно же, не прошел бесследно. Скорее, можно говорить о синтезе славянофильства и западничества, националистического дискурса и либерального видения предполагавшихся реформ. Что же касается внешнеполитических целей, то здесь проявлялся механизм «отложенных ожиданий», планы в отношении участия России в делах «православного Востока» откладывались до более благоприятной ситуации, которую как раз и должны были обеспечить реформы. Интересна информация, сообщенная Головниным, о принадлежавшей Константину Николаевичу идее «мирных крестовых походов» на Афон. С целью «возбудить общее желание в православной России побывать на единоверном Востоке» великий князь предлагал при пособии от правительства основать пароходное общество, устраивающее туристические рейсы поклонников к святым местам. Но Головнин с горечью констатировал, что «седовласые сановники» не поняли величия замысла²¹.

Переосмысление имперских ценностей в пользу националистического дискурса заметно и в другой, гораздо более известной, внешнеполитической инициативе Константина Николаевича. В декабре 1857 г. в письме к А.М. Горчакову он предложил план продажи Аляски Соединенным Штатам. Представляет интерес то, что помимо финансовых соображений великий князь выдвигал следующий аргумент: Россия «должна всячески стараться укрепиться в центре своем, в тех сплошных коренных русских областях, которые составляют по народности и вере настоящую и главную силу ее, и должна развивать силы этого центра, дабы сохранить те из своих оконечностей, владение коими, возможно, и приносит истинную пользу»²².

Но в первую очередь синтез националистического дискурса с либеральными компонентами мировоззрения осуществлялся в сфере понимания внутреннего развития России и наиболее ярко – применительно к концепции крестьянской реформы, на что и обращают внимание ее современные исследователи, такие как М.Д. Долбилов и И.А. Христофоров. Биографические сообщения Головнина о Константине Николаевиче подтверждают эту научную гипотезу. Общее видение контуров грядущей крестьянской реформы предполагало цель достижения внесословной солидарности нации (русского народа). В текст, созданный Головниным, органично включены рассуждения о «пробуждении русского народа», единстве и согласии нации, ликвидации крепостного права как искусственной стены между двумя сословиями. Славянофильская «народность» про-

являлась и в романтическом способе восприятия образа крестьянства. Головнин писал: «В эту замечательную эпоху, когда страсти дворян-помещиков были раскалены и они беспрерывно забывали всякое благоразумие и вредили сами себе, замечательно спокойное положение крестьян, которые продолжали свои обыкновенные работы, свой образ жизни и ждали решения правительства»²³. В подтверждение Головнин приводил обширную цитату из стихотворения «крестьянского поэта», в котором были слова, обращенные к царю: «Твоих надежд мы не обманем, / Скажи – и с громом и грозой, / Как туча темная, восстанем / Мы на врагов твоих толпой, / Вели – и нивы засребряются / Обильной жатвой под серпом; / Умы – наукой озарятся. / Дела – рассудком и добром»²⁴.

Вместе с тем содержание биографических записок Головнина о Константине Николаевиче предоставляет достаточно обширный материал, свидетельствующий о наличии либеральных компонентов в политическом мировоззрении видных представителей «просвещенной бюрократии», которую зарубежные и многие современные авторы, видимо, все-таки несправедливо «лишают права» называться «либеральной». В тексте Головнина мы встречаем свидетельства приверженности его самого и великого князя принципам свободного рынка, конкуренции и свободы предпринимательства. «От этого отсутствия разных стеснений за границей встречается в государственной службе более способных людей, и более процветают торговля, земледелие и промышленность, которыми каждый может свободно заниматься»²⁵. Головнин упоминает о либеральных распоряжениях Константина Николаевича по Морскому министерству, направленных на децентрализацию управления, развитие гласного характера обсуждения дел, на предпочтение частной промышленности перед «казенными средствами»²⁶. Постоянным фоном рассуждений о самого разного рода государственных вопросах является признание ценностей открытости, гласности, веротерпимости.

Вывод об эклектичности политического мировоззрения видного представителя либеральной бюрократии великого князя Константина Николаевича дополняет сюжет о сложном характере определения его места в расстановке сил и течений в управленческой элите и в общественном движении. Биографические сообщения Головнина построены таким образом, чтобы противодействовать распространявшимся в обществе суждениям о принадлежности великого князя к той или иной «партии». Головнин подчеркивал, что «у нас еще не могло быть особых партий и не было к тому элементов». Стремление изобразить позицию Константина Николаевича в плоскости, лежащей «над схваткой» разных группировок и

идейно-политических подходов, в принципе, отвечает пониманию роли императорской власти и, соответственно, императорской фамилии в условиях необходимости балансирования политического курса. Это заставляет с осторожностью относиться к встречающимся в исторической литературе формулировкам о лидерстве Константина Николаевича в рядах либеральной бюрократии, о политических позициях «константиновцев» и т.п. Записи, сделанные А.В. Головниным в течение 1858 г., дают в этом отношении любопытный материал. Летом 1858 г. Константин Николаевич с разрешения и по предложению императора отправился в заграничную поездку, находя благоразумным «временно удалиться, чтоб о нем перестали говорить и перестали им заниматься». Константин Николаевич считал нужным не раздражать «врагов прогресса» и по возможности реже выходить в своей деятельности за границы непосредственных служебных полномочий по морскому ведомству. При этом Александр II сказал Головнину: «Тебя обвиняют, будто ты вовлек его в дела, посторонние Морскому ведомству. Это несправедливо. Я виноват этому, потому что я назначил его в разные комитеты. Он был слишком пылок в них и говорил лишнее перед людьми, перед которыми не следовало бы говорить, и я часто замечал ему это»²⁷.

Личность Константина Николаевича обрела особое значение в борьбе различных группировок в бюрократической элите, и для самого великого князя такая ситуация была с житейской точки зрения достаточно тяжелой и неудобной. Головнин заметил, что великая княгиня Елена Павловна, граф П.Д. Киселев и императрица Мария Александровна не поддерживали стремления Константина Николаевича «временно удалиться» от больших государственных вопросов (как и идею с отъездом за границу летом 1858 г.), а супруга Александра Иосифовна, напротив, с наибольшим рвением склоняла его именно к такому сценарию политического поведения. Она смотрела на подобные поездки «как на средство удалить великого князя от нескольких людей, о которых ее высочеству наговорили, что они люди вредного образа мыслей, исполненные либеральных замыслов, одним словом, красные, как их назвали, – люди, которые стараются употребить великого князя как орудие для достижения зловерных целей и от которых она, как некий ангел-хранитель, должна всячески стараться защитить великого князя и отдалить его от них»²⁸. К таким «зловерным людям» она относил прежде всего Н.А. Милютину. Кстати, об этом видном деятеле (можно сказать, авторе) крестьянской реформы 1861 г., которого традиционно вместе и наряду с Константином Николаевичем относят к разряду «либеральных бюрократов», в головнинских «Материалах для жизнеописания...» крайне мало

упоминаний. Только осенью 1860 г. и по разрешению императора состоялась личная встреча Константина Николаевича с Н.А. Милютиным, Ю.Ф. Самариним и В.А. Черкасским, которым уже давно покровительствовала великая княгиня Елена Павловна. На их встрече, между прочим, очень настаивал А.В. Головнин, который «всячески старался приблизить их к великому князю, в то самое время, когда таинственно употреблялись другими лицами всевозможные усилия, чтоб помешать этому сближению»²⁹.

Таким образом, содержание биографических записей А.В. Головнина о великом князе Константине Николаевиче вполне подтверждает вывод, сделанный современным исследователем вопроса об исторической роли «константиновцев» А.П. Шевыревым: парадокс положения Головнина заключался в том, что «он пытался построить бюрократическую партию, объединенную вокруг политической программы, а вынужден был действовать в рамках придворного этоса»³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Шевырев А.П.* Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр П. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сб. статей. СПб., 2012.
- ² *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С.652-653.
- ³ См., напр.: *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russian Enlightened Bureaucrats 1825-1861. Illinois, 1982;

Уортман Ричард С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

- ⁴ *Долбилов М.Д.* Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. №6.
- ⁵ *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856-1860 гг. М.-Самара, 2010. С.15.
- ⁶ *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.) М., 2011.
- ⁷ *Головнин А.В.* Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006.
- ⁸ *Шевырев А.П.* Указ. соч. С.54.
- ⁹ Там же. С.64.
- ¹⁰ *Головнин А.В.* Указ. соч. С.124-125.
- ¹¹ Подробнее см.: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.
- ¹² *Головнин А.В.* Указ. соч. С.53.
- ¹³ Там же. С.92.
- ¹⁴ *Аксакова В.С.* Дневники. Письма. СПб., 2013. С.147.
- ¹⁵ *Головнин А.В.* Указ. соч. С.83-84.
- ¹⁶ Там же. С.84.
- ¹⁷ Там же. С.101.
- ¹⁸ Там же. С.153.
- ¹⁹ Там же. С.154.
- ²⁰ Там же. С.155.
- ²¹ Там же. С.105.
- ²² Там же. С.285.
- ²³ Там же. С.184.
- ²⁴ Там же. С.185.
- ²⁵ Там же. С.154.
- ²⁶ Там же. С.95.
- ²⁷ Там же. С.162.
- ²⁸ Там же. С.188.
- ²⁹ Там же. С.194, 196.
- ³⁰ *Шевырев А.П.* Указ. соч. С.69.

BIOGRAPHICAL REPORTS BY A.V.GOLOVNIN ABOUT GRAND DUKE KONSTANTIN NIKOLAYEVICH AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF POLITICAL VIEWS OF LIBERAL BUREAUCRACY

© 2015 O.V. Kochukova

Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy

The article discusses the political outlook of the «liberal bureaucracy» during the preparation for the «Great Reforms» on the example of the views and activities of Grand Duke Konstantin Nikolayevich. The author analyzes the content of biographic materials about Konstantin Nikolayevich written by A.V. Golovnin. She defines such reasons for the evolution of world-views of the reformers as the impact of the Crimean War, the debate between Slavophiles and Westernizers, liberal ideology, and ethos of the court. Keywords: Great reforms, liberal bureaucracy, Grand Duke Konstantin Nikolayevich, A.V. Golovnin, Slavophilism, Westernism, Crimean War.